

Памяти Александра Николаевича Барулина

УДК 81

DOI: 10.28995/2686-7249-2024-5-11-22

О Барулине

Владимир М. Алпатов

*Институт языкознания РАН, Москва, Россия,
v-alpatov@ivran.ru*

Аннотация. Тема статьи – биография Александра Николаевича Барулина (1944–2021), видного лингвиста и организатора лингвистического образования в России.

Ключевые слова: Барулин, лингвистика, лингвистическая теория, экспедиции, Институт востоковедения, Российский государственный гуманитарный университет, лингвистическое образование

Для цитирования: Алпатов В.М. О Барулине // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 5. С. 11–22.
DOI: 10.28995/2686-7249-2024-5-11-22

On Barulin

Vladimir M. Alpatov

*The Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, v-alpatov@ivran.ru*

Abstract. The topic of the article is the biography of Alexandre Barulin (1944–2021), the prominent linguist and organizer of linguistic education in Russia.

© Алпатов В.М., 2024

Keywords: Barulin, Linguistics

For citation: Alpatov, V.M. (2024), "On Barulin", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 5, pp. 11–22, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-5-11-22

С Александром Николаевичем Барулиным (тогда Сашей) я познакомился в июле 1966 г. в стройотряде в Пущине, на Оке, где студенты участвовали в строительстве только-только начинавшего создаваться научного центра Академии наук.

Саша впервые поступал на ОСИПЛ в 1964 г., но неудачно, а на следующий год поступил. В первые годы существования отделения каждый набор имел то или иное своеобразие. Шестой набор, на котором начинал учиться Барулин, выглядел одним из самых необычных. Студенты там постоянно держались вместе и были несколько обособлены от тех, кто учился раньше или позже, а друг друга называли графами и маркизами. У них была особая экспериментальная программа по математике, которую ввел В.А. Успенский, читавший именно им больше всего курсов, не зная, что скоро он покинет преподавание на факультете, а его новая программа повторена не будет. И в стройотряды ОСИПЛ обычно не ездил, а тут поехали, правда, не все, но целая группа окончивших первый курс, включая и Барулина. И человеческие, и профессиональные их судьбы сложились по-разному. Кто-то оказался в Израиле, а одна из студенток, запомнившаяся по стройотряду, несколько лет назад была одно время секретарем Московского комитета КПРФ по идеологии. И довольно многие как раз оттуда оказались раньше или позже в академическом Институте востоковедения: помимо Барулина, Наташа Соколовская, Лена Захаренок-Коган-Дубнова, Лейла Лахути, позже Оля Столбова. В основном они серьезно занимались конкретными языками Азии или Африки, а Лейла погрузилась в изучение персидских памятников.

Но у Саши в те годы проявлялась тяжелая болезнь, из-за которой он на год отстал от своего первоначального курса и дальше учился на следующем курсе, где дух был уже другой: появилось тяготение к лингвистической теории, а студенты выглядели очень серьезными, впоследствии курс дал много докторов наук. К тому же многое в жизни и подготовке студентов изменили два события. Во-первых, этот набор лишь на младших курсах прошел через школу В.А. Успенского и Ю.А. Шихановича, а дальше роль математики стала падать. Во-вторых, впервые значительная часть студентов стала ездить в экспедиции. Все это для Барулина, вероятно, имело положительное значение; в интервью М. Бурас он признавался,

что, если бы во время увольнения Шихановича его попросили высказать свое мнение о нем как преподавателе, он бы «сказал, что, например, у меня с Шихановичем никакого контакта нет» [Бурас 2022, с. 357]. Зато интерес к теоретической лингвистике у Барулина был велик, в мире экстенсионалов он чувствовал себя своим. А экспедиции стали для него точкой применения его многогранных способностей.

И в новом окружении он сразу стал заметнее. Выйдя из далекой от науки среды, он очень дорожил любой возможностью показаться среди лингвистической «элиты». Помню, как весной 1967 г. проходила вторая всесоюзная студенческая конференция по структурной и прикладной лингвистике, после ее окончания мы собрались у Нади Браккер, за одним столом оказались А.А. Зализняк, уже доктор наук, и студенты. И как-то тогда собравшиеся, в том числе почти никому еще не известные, потом стали известны в лингвистических кругах (например, в тот вечер я познакомился с З.М. Шаляпиной), а Саша, единственный там еще второкурсник, был со всеми на равных.

А дальше, когда я уже учился в аспирантуре Института востоковедения, Барулин, еще студент, меня пригласил на собрание кафедрального научного студенческого общества. Такие общества было принято создавать, однако не всегда они были достаточно активны. Но Барулин решил произвести переворот, выступил с пламенной речью, устроил досрочные перевыборы совета общества, естественно, возглавив его. Впервые я наблюдал лидерские его качества, которые в Пущине как-то не были заметны. Видно было, как ему хотелось быть во главе, хотя бы НСО. Но тогда на те или иные должности, в том числе общественные, начиная с самых мелких, выдвигали, как иногда формулировалось, по сумме деловых и политических качеств. О политических качествах сейчас уже наговорено много, но, бесспорно, значимы были и деловые качества, однако под ними понимались прежде всего исполнительность и организованность. Те, у кого все это было, например я, были обречены на выполнение общественных функций. В том же Пущине мне было необходимо отвечать за списки отъезжавших студентов, а потом самому там что-то копать (впрочем, не жалею: приобрел там друзей, с которыми общаюсь до сих пор); был я и старостой курса, а спустя много лет (в 1991 г.) – последним секретарем парткома Института востоковедения. Барулин, разумеется, был от всего такого далек, но он, а не я, был прирожденным лидером. Были в нем и харизма, и умение вести за собой, что, однако, тогда редко находило применение. А вот с организованностью дело было хуже. У Саши многое получалось одним рывком, а работать методично ему бывало трудно.

Потом Саша окончил университет, продолжал ездить в экспедиции под руководством А.Е. Кибрика, познакомился с И.А. Мельчуком, войдя в круг его последователей. Но устроиться на работу или в аспирантуру по специальности, особенно по теоретической, а не прикладной лингвистике, было нелегко, многие способные выпускники были не у дел. Я, к тому времени защитив диссертацию и прижившись в своем институте, убедился в том, что этот институт – неплохое место для спокойной научной работы и для меня, и для других. Мой научный руководитель и заведующий сектором, потом отделом, И.Ф. Вардуль очень хотел повысить уровень лингвистики в отделе, а заместитель директора В.М. Солнцев первоначально его в этом поддерживал. И приоритеты у осипловцев были здесь самые подходящие: востоковеды по образованию (их готовили Институт восточных языков при МГУ и МГИМО) чаще всего искали возможности работы за рубежом, а на «нашем» отделении прививались идеи о престижности науки.

В начале 1972 г. я познакомил Вардуля и Солнцева с тремя выпускниками и дипломниками ОСИПЛ. Это были Н.К. Соколовская, к сожалению, рано умершая, Т.Г. Погибенко, работающая в Институте востоковедения до сих пор, и Барулин. Всех взяли в аспирантуру. Последний из них особенно понравился Вардулю и Солнцеву, впечатление произвела его теоретичность. Поначалу они с Вардулем подружились. А в отделе он произвел впечатление человека артистического склада. Саша участвовал в самодеятельности, умел пародировать, этим прославился. Помню, как одна дама в отделе не могла вспомнить фамилию Барулина и сказала: «Ну, как его, ну артист хороший».

Коллектив всегда складывается из сложного сочетания производственных и человеческих отношений. Отдел языков Института востоковедения, в котором изучали несколько десятков языков Азии и Северной Африки, имел особые сложности. Прежде всего сотрудники не всегда понимали друг друга с профессиональной точки зрения. Языки очень разные, а их описания не всегда соизмеримы. Сказывались и различия в возрасте и научной подготовке, а появление молодежи (выпускников ОСИПЛ продолжали брать) усилило разрыв между взглядами и привычками; постепенно более значимыми становились и политические расхождения. Сотрудники, начинавшие деятельность в 40–50-е годы и получившие востокведную подготовку, обычно не очень интересовались теорией, иногда удовлетворяясь подходами из школьных учебников, тогда как на ОСИПЛ (существует с 1960 г.) традиции всегда были другими, а экспедиции формировали и укрепляли эти традиции. Зато сотрудники, всю жизнь изучавшие только один язык, имели лучшую

страноведческую подготовку. Можно сказать, что ОСИПЛ глядел на свой объект изучения, рассматривая то или иное множество языков как разновидности языка вообще, а в Отделе языков люди посвящали себя одному, но досконально рассматриваемому языку, особо не разделяя внутреннюю и внешнюю лингвистику.

Конечно, в отделе играли роль и различия характеров и темпераментов, при этом, как обычно бывает, резкость тональности прощали скорее, чем высокомерие. Некоторые попадавшие в отдел крупные ученые даже не то чтобы презирали научно менее сильных коллег, но бессознательно проявляли отсутствие интереса к ним, а этого не любят. Барулину это было не свойственно. Он мог поговорить с пожилой и старомодной в научном отношении сотрудницей о бытовых делах, кому-то посочувствовать, кого-то поздравить. И это сказывалось. Он мог по какому-нибудь поводу высказаться резко, поругаться с начальником, но это обычно не имело особых последствий.

Помню эпизод 1984 г. Умер сотрудник отдела и начальник институтской дружины Ю.А. Смирнов, человек не очень приятный и с психическими отклонениями: всерьез писал в инстанции о том, что у него крадут научные идеи. Но когда он умер (а он к концу жизни со всеми поссорился и остался совсем один), оказалось, что его (доктора наук) некому хоронить. И неожиданно стал помогать и взял дело в свои руки Саша. Мы с шофером под Сашиным руководством втроем отвезли покойного на Николо-Архангельское кладбище и справились со всей процедурой.

Но это бытовая сторона жизни. А есть еще наука и политика. Отношения Барулина с Вардулем, сначала хорошие, довольно скоро разладились. У каждого был свой взгляд на язык, а у Барулина сказывалось значительное влияние Мельчука, идеи которого Вардуль не принимал. И Вардуль как старший смотрел на Сашу сверху вниз, а тот этого не переносил. Оба были неуступчивы. И сказывалась черта Сашиной личности, уже упоминавшаяся: неорганизованность. После аспирантуры его зачислили в отдел, что формально делать не полагалось: диссертацию он не представил. Защита состоялась лишь почти через десять лет. И Барулин вовсе не был ленив и работал много, но написать связный текст, не уходя в сторону и не отвлекаясь на детали, ему оказывалось трудно.

Помню, как мы с ним ездили на конференцию в Новосибирск к М.И. Черемисиной. Его доклад не был готов, и, приехав накануне к концу дня, он вечер и ночь сочинял доклад, размышляя вслух и не давая мне спать. Получилось вполне складно и интересно, а завершить он решил анекдотом про академика Гамалею. На другой день в первой же фразе доклада он сказал присутствующим,

в большинстве новосибирцам: «Я не из вашей парадигмы». Кто-то на эти слова обиделся и возразил с места, Барулин начал с ним спорить по вопросам, не относившимся к докладу, который в результате был скомкан, а на Гамалею уже не хватило времени. И так бывало часто. В итоге за полтора десятка лет в Институте востоковедения он, помимо какого-то количества статей в сборниках, опубликовал лишь одну большую работу. Он стал составителем и одним из авторов выпуска издания «Новое в зарубежной лингвистике» (1987), посвященного новым идеям в мировой тюркологии (в отделе он числился тюркологом, хотя не особенно владел этими языками). Тут к нему благоволил видный тюрколог академик А.Н. Кононов, которого Саша сумел очаровать. Их предисловие к книге, основным автором которой был Барулин, содержало ключевые идеи так и не изданной его диссертации «Теоретические проблемы описания тюркских именных словоформ» (1985) [Новое 1987].

Но, разумеется, не обходилось без политики. Здесь на работе Барулина сказались увольнение его гуру И.А. Мельчука в 1976 г. и в следующем году его эмиграция. В день заседания ученого совета Института языкознания, где Мельчука увольняли, там среди других лингвистов из группы поддержки в коридоре стоял и Барулин. В Институте востоковедения об этом, разумеется, сразу узнали, но особых репрессий не последовало. А потом на эмигранта запретили ссылаться. На собрании отдела Барулин выразил протест и обрушился на академические порядки. После собрания, когда остались только Солнцев, Вардуль и я, Солнцев сказал: «Конечно, Барулин прав, но что мы можем сделать?». Серьезных последствий и на этот раз для Саши не было. Одной из причин могло быть то, что директором института тогда был Е.М. Примаков, который не любил скандалов на политической почве (но при этом откровенно третировал неактуальные для него направления работы института вроде лингвистики). Барулин потом говорил, что он написал три диссертации, из которых первые две не прошли из-за упоминаний Мельчука. Это, конечно, сказалось, но были ли две первые диссертации закончены? Одну диссертацию, которую должны были также издать книгой, я видел; табуированные упоминания там были, но связного текста не было (про другую диссертацию ничего не знаю), однако, когда запреты были сняты, книги так и не появились.

И все-таки для многих в институте, в том числе и среди тех, кого Саша не включал в свою компанию, он казался «своим». И когда в начале 1980-х гг. лингвистические экспедиции (во Вьетнам) начались и в Институте востоковедения, Барулин, хоть и не без труда, но все же туда съездил, тогда как С.А. Старостина из-за переписки с уехавшим в США другом не пустили.

Я всю жизнь был далек от экспедиций, но однажды все-таки слегка познакомился с этим увлекательнейшим видом работы, и именно под началом Барулина. В конце весны 1978 г. он вдруг (для всех это было неожиданным) объявил, что надо ехать на Сахалин описывать язык айнов. Он сразу занялся организацией, получил поддержку Солнцева, кажется, побывал и у Примакова, изыскал средства, оформил въезд на режимную территорию и подобрал команду. Вопрос о начальнике и не обсуждался: было очевидно, что им может быть только младший научный сотрудник без степени Барулин. Взялись ехать также С.А. Старостин, И.И. Пейрос и я (моя роль была знакомиться и знакомить других с литературой об айнском языке, которая почти вся по-японски). Вся подготовка прошла быстро и по-деловому. В августе (Барулин до того успел еще съездить в другую экспедицию на Камчатку) мы отправились на месяц на остров.

С точки зрения первоначального замысла мы потерпели полную неудачу. Айны, которых когда-то описывал на Сахалине А.П. Чехов, после 1945 г. почти все уехали в Японию. Остались несколько человек очень пожилого возраста, которым было уже трудно куда-либо ехать, и полукровки, иногда сохранявшие антропологический тип, но не знавшие язык. Барулин нашел внука упомянутого Чеховым крестьянина из ссыльных, поляка Колевского, который сожительствовал с айной; внук помнил со времен детства, как его дедушка с бабушкой, играя в карты, сговаривались по-айнски. Но для лингвистики это ничего не давало. Последний достоверно известный носитель айнского языка умер за три года до экспедиции в доме инвалидов города Анива (в Японии тогда еще находили носителей сахалинских диалектов, но теперь уже нет и их). Но мои товарищи нашли другое занятие: уже в XX в. японские власти переселяли на Сахалин корейцев, носителей разных диалектов, и эти диалекты были доступны для изучения. Они погрузились в корейский язык, и Старостин потом пустил результаты в дело, а я в одиночку еще некоторое время поискал помнивших язык айнов, но так и не нашел.

Мои контакты с Барулиным на Сахалине свелись к сфере быта. Я убедился, что он – хороший организатор и безусловный лидер по натуре. Отсутствие «говорящих айнов», разумеется, не было его виной, а все зависящее от него он устраивал легко и непринужденно. Еще я видел, как легко и просто он сходится и общается с людьми (за месяц успел подружиться с двумя очень разными девушками – первокурсницей и следователем) и как умеет выудить у собеседника нужную информацию. И, конечно, было видно, что его лидерские качества в тогдашней обстановке не получали должной реализации.

Но вот началась перестройка. Состав отдела к тому времени сильно изменился, и той однородности, что была когда-то, уже не стало. Ушел Примаков, карьера которого стала быстро идти вверх, его место занял совсем не вписывавшийся в новое время М.С. Капича, а Отделом языков вместо начавшего болеть Вардуля пришлось заведовать мне. Теперь, когда наверх выдвигались новые лица, Барулин мог показать свои достоинства. Но крепко сложившийся и не очень молодой (там все еще ведущую роль играли ученые, чья карьера началась во времена Хрущева и предшественника Примакова Б.Г. Гафурова) Институт востоковедения не был подходящим местом для их реализации. Раньше он мог быть прибежищем, а теперь появились иные возможности. Выгоднее было строить на пустом месте.

Первой попыткой стало Московское лингвистическое общество, организованное весной 1987 г. Там, впрочем, Саша был не единоличным лидером. Тогда еще казалось, что предстоит борьба за первенство с «тоталитарной наукой» и опорой будет неформальная структура, состоящая из авторитетных ученых. Но борьбы не получилось: советская номенклатура, иногда даже сохранив руководящие должности, по принципиальным вопросам сдалась без боя. Общество собралось раз пять или шесть с докладами на актуальные темы, и тем дело кончилось.

Более перспективным начинанием оказался факультет теоретической и прикладной лингвистики при Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ), созданный прежде всего Сашей Барулиным. На его поминках А.Д. Шмелев рассказывал, как возникла идея создания данного факультета. Во время обычного интеллигентского трепа за блинами по случаю Масленицы (очевидно, в 1987 г.) начали мечтать о «свободном университете» и домечтались до некоторой конкретики. Мечтать тогда могли многие, но не думаю, что среди лингвистов мог превратить проекты в реальность кто-либо, кроме Барулина. Его всегда отличали быстрота реакции и натиск, хотя и потерять интерес он тоже мог быстро.

В это время один из «прорабов перестройки» – Ю.Н. Афанасьев (историк по образованию и комсомольский вождь по первоначальной профессии), став ректором Историко-архивного института, начал осуществлять более масштабный проект РГГУ. Наряду с историей, в этом университете должны были преподаваться чуть ли не все гуманитарные науки, включая, естественно, лингвистику, но не по-советски, а на уровне западных стандартов; помещения и материальную базу Афанасьев затем получил от рухнувшей Высшей партийной школы. Появилась возможность застолбить еще

ничейную территорию, Саша умел это быстро делать, велики были и его способности подбирать команду. Как когда-то Вардуля и Кононова, он сумел очаровать Афанасьева, и они с 1988 г. приступили к организации лингвистической части университета.

Поначалу в новый университет шли охотно. Уже в 1994 г. в Москве побывал эмигрант А.К. Жолковский, изложивший затем свои впечатления в воспоминаниях, где писал: в РГГУ работали «большинство моих старых, да и новых знакомых. Впечатление было такое, что туда перешли или вскоре перейдут вообще все. Меня, беглеца от тоталитаризма, это немного беспокоило. Беспокойство такого рода нет-нет да и возникает в России»¹. Перешла в РГГУ и группа ведущих ученых (не только лингвистов) во главе с С.А. Старостиным.

Но что такое «университет на уровне мировых стандартов»? Нельзя сказать, чтобы эти стандарты знали очень хорошо, хотя связи с Западом постепенно расширялись. В это время многие интеллигенты полагали, что теперь «довольно жить законом, данным Марксом и Лениным», хотелось жить, как «все нормальные люди». Но как? Помню, с каким увлечением Барулин и его добровольные помощники сочиняли программы, которые не надо было согласовывать с начальством разного уровня, но можно было немедленно пускать в дело. Внешних препятствий поначалу почти не было (потом они стали появляться). Барулин активно сотрудничал с московской «демократической общественностью», выступал, давал интервью. Помню, как он сказал по радио, что создаваемый им центр будет готовить элиту. С этим высказыванием я не мог согласиться и не согласен сейчас: по крайней мере, студенты не должны так думать, иначе будут задирать нос. Признавать кого-либо элитой или не элитой оправдано лишь по результатам.

Думаю, что первоначальный максимализм сгладила жизнь. Преподавательский состав вокруг Барулина большей частью состоял из выпускников ОСИПЛ, которые в целом принимали те идеи, которым их там обучали, и опирались на традиции советского времени; все это оказалось достаточно слегка почистить от следов прежней вынужденной конъюнктуры. Я это почувствовал в том числе на себе. Не знаю, предполагалось ли пригласить меня в РГГУ по совместительству (целиком переходить туда я никогда не собрался бы) с самого начала, но потом Барулин меня тоже пригласил. Курс истории лингвистических учений, который я уже читал в МГУ, несомненно, должен был входить в программу, а я больше других имел опыт преподавания этого предмета. Читая

¹ Жолковский А. Звезды и немного нервно. М.: Время, 2008.

однотипный курс в разных вузах, я должен был думать о сходстве и различиях. И я быстро понял, что различий и нет (хотя часов в РГГУ было немного меньше). Думаю, что так было и со многими другими курсами. И вообще МГУ в целом сохранил свой престиж, и вопреки Жолковскому ушли в РГГУ не все, а уровень подготовки в те годы, когда лингвистическую часть РГГУ держал в руках Барулин, там и на ОТИПЛ был примерно одинаков.

Если содержательная сторона обучения в двух вузах была похожей, и РГГУ здесь был во многом новым изданием ОСИПЛ/ОТИПЛ (правда, в РГГУ больше, чем в МГУ, преподавали восточные языки) [Алпатов 2021], то дух и человеческие отношения заметно различались, и тут, разумеется, многое было связано с личностью Барулина. Все было подчеркнуто неформальным. Помню, как Саша проводил вручение дипломов первого выпуска. Не в зале, а в одной из рабочих комнат он собрал выпускников, которых тогда было не так много, мужской части пожал руки, а женскую обнял и расцеловал, и раздал дипломы, вынув их из кармана. В МГУ такое не допускалось, вряд ли по идейным причинам, просто старейший в Москве университет имел сложившиеся традиции. В РГГУ же расстояние между студентами и факультетскими начальниками было минимальным, а одарять студентов знаниями Барулин мог часами в любой обстановке.

И Барулин оказался на месте не только как администратор. У него в те годы была возможность брать себе любой курс, который ему было интересно читать, и он активно преподавал, показав талант лектора. Свойственные ему недостатки, о которых я писал выше, меньше сказывались при устном общении, в том числе со студентами. Можно идти от одной ударной точки к другой, и недочеты общего плана не так заметны. На ОСИПЛ читал выдающийся лингвист П.С. Кузнецов, но слушать его было трудно. А от лекций Барулина у слушателей оставалось общее яркое впечатление, и этого хватало. Саша еще был и хорошим популяризатором. Не раз его выступления помогали школьникам выбрать профессию.

Так продолжалось восемь лет. Второй центр лингвистического обучения в Москве был создан. А с ОСИПЛ удалось установить нормальные отношения. Все делали общее дело.

Вспоминается Пушкин, сказавший о Петре Первом:

Лишь ты воздвиг, герой Полтавы,
Огромный памятник себе.

Эти стихи я вспомнил, выступая на похоронах Барулина. Можно за что-то критиковать его деятельность в РГГУ, но памятник

себе он воздвиг. И это стало главным делом его жизни, пусть он был погружен в него не так долго.

Но в 1999 г. произошла катастрофа. Барулин поссорился с Афанасьевым, и тот уволил Сашу с должности декана. Барулина нередко удавалось очаровывать тех, с кем имел дело, но он умел и портить отношения неосторожным поведением. Так было с Вардулем, так получилось и с Афанасьевым. Но, конечно, тот поступил жестоко. На полном скаку один из основателей РГГУ был остановлен и лишен любимого дела.

Барулин, безусловно, не ожидал такого исхода. Он привык бороться с «тоталитарной наукой», а тут с ним расправился «свой». Снова пришлось искать прибежище, как когда-то. За последующие годы он сменил несколько мест работы, в том числе ненадолго возвращался в Институт востоковедения, но достойного себе места так и не нашел. Последним пристанищем стал академический Институт языкознания, где он за много лет до этого участвовал в акциях в защиту Мельчука. Круг замкнулся: я, человек далекий от умения быть лидером, во второй раз оказался его начальником, тогда как прирожденный лидер Барулин командовал мной разве что на Сахалине.

В эти годы я видел его редко, в институт он приходил мало. Моя линия поведения по отношению к нему сводилась к одному: не мешать. Административная его деятельность закончилась, а в науке можно было заниматься любой любимой темой. Он выбрал интересную и неожиданную тему: происхождение языка, и в последние два десятилетия жизни был этим увлечен, появились публикации, в том числе первая для него крупная монография [Барулин 2002]. Мне трудно давать этим публикациям оценки. Тема важная, нужная, интересная, однако о многом мы можем только гадать из-за отсутствия достоверного материала. Но проблема существует, и много столетий появляются заманчивые гипотезы. Во всяком случае, эта работа стремилась расширить границы человеческого познания, и это важно. Барулин, как всегда, строил планы, делал доклады в Институте языкознания, но в июле 2021 г. все оборвалось.

Не хочу говорить ничего плохого о тех, кто руководил Институт лингвистики РГГУ после Барулина. В отличие от него самого, они не старались ломать существовавшие традиции. Но что-то ушло, и я сейчас не сказал бы, что уровень подготовки лингвистов в МГУ и РГГУ одинаков. И все же Институт лингвистики живет и работает, а Барулин сыграл в его появлении огромную роль.

Литература

- Алпатов 2021 – Алпатов В.М. О преподавании лингвистики в МГУ и РГГУ // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 2. Ч. 2. С. 210–220.
- Барулин 2002 – Барулин А.Н. Основания семиотики: Знак, знак системы, коммуникация. Т. 1: Базовые понятия, эволюционная теория происхождения языка. М.: Спорт и культура, 2002. 464 с.
- Бурас 2022 – Бурас М. Лингвисты, пришедшие с холода. М.: АСТ, 2022. 410 с.
- Новое 1987 – Новое в лингвистике. Вып. 19: Проблемы современной тюркологии / Сост. А.Н. Барулин. М.: Прогресс, 1987. 494 с.

References

- Alpatov, V.M. (2021), "On the linguistic education at MSU and RSUH", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 2, part 2, pp. 210–220.
- Barulin, A.N. (2002), *Osnovaniya semiotiki: Znak, znak sistemy, kommunikatsiya. T. 1: Bazovyye ponyatiya, evolyutsionnaya teoriya proiskhozhdeniya yazyka* [Foundations of semiotics. Signs, sign system, communication. Part 1. Basic notions, evolutionary theory of the origin of language], Sport i kul'tura, Moscow, Russia.
- Buras, M. (2022), *Lingvisty, prishedshiye s kholoda* [Linguists who came from the cold], AST, Moscow, Russia.
- Barulin, A. (comp.) (1987), *Novoye v lingvistike. Vyp. 19: Problemy sovremennoi tyurkologii* [New in linguistics. Issue 19: Problems of modern Turkic studies], Progress, Moscow, USSR.

Информация об авторе

Владимир М. Алпатов, доктор филологических наук, академик РАН, Институт языкознания РАН, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1; v-alpatov@ivran.ru

Information about the author

Vladimir M. Alpatov, Dr. of Sci. (Philology), Dr. habil., Full member of the Russian Academy of Sciences, The Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 1-1 Bolshoi Kislovskii Lane, Moscow, Russia, 125009; v-alpatov@ivran.ru